

ШИРИН МАНАФОВ

Бакинский Woodstock

*Эти воспоминания – дань уважения и любви
к нашему другу Боре Арановичу
от Толика и меня*

Мы редко встречаемся с моим другом Толиком, живем в разных странах. Каждый раз, встречаясь, мы с удовольствием вспоминаем нашего общего друга Бору Арановича. Много было всяких интересных эпизодов, но один эпизод из жизни Бори особенно яркий.

Это произошло в 1973 году. В Интер-клубе АЗИНХ – института нефти и химии на улице Дарвина – шла подготовка к фестивалю студенческих рок-групп. Репетиции шли каждый день. Боря играл в одной из таких азишских групп, ребята так азартно готовились, что на репетициях было полно слушателей. В фестивале принимали участие несколько отличных ансамблей из других институтов, и всем хотелось выступить на уровне.

За неделю до начала фестиваля пришли представители из городского комитета комсомола и объявили свое главное требование: исполнять можно только композиции и песни известных советских ансамблей и таких певцов, как Лев Лещенко, Эдуард Хиль, Кобзон и прочих корифеев из того же ряда.

Это привело всех музыкантов в глубочайшее уныние, поскольку ни у кого из выступающих групп из АЗИНХа, Азгосуниверситета, Политеха или медицинского и в мыслях не было лабать комсомольскую туфту.

Это были годы застоя, когда от телика тошнило и даже невиннейшая из всех машин времени – группа «Машина времени» – была в черном списке. Да участников того фестиваля подняли бы на смех за одну только мысль исполнять что-то из репертуара бодрячка Хиля, «Поющих гитар» и прочих веселых ребят советской эстрады. Боря жил и творил как музыкант в мире совсем других кумиров, в эпоху «Битлз», «Роллинг Стоунз», Джеймса Брауна, Яна Гиллана и Мика Джаггера. В этой компании для «Веселых ребят» и «Самоцветов» места были на галерке.

Чтобы представить себе, что такое 1973 год, только две информации из жизни города.

За неделю до рок-концерта в Интер-клубе в Баку состоялся чемпионат, как писала газета «Бакинский рабочий», по пожарно-прикладному спорту.

«Динамовец Байрамов улучшил республиканский рекорд в преодолении 100-метровой полосы с препятствиями, – писала газета – его одноклубник Фендриков побил рекорд по выдвигной лестнице, а член сборной СССР по пожарно-прикладному спорту Маликов установил рекорд республики в штурмовании окна четвертого этажа учебной башни с новым достижением 15,6 сек.»

Чтобы скорее покончить с штурмованием окна четвертого этажа Вудсток в Интер-клубе должен был состояться при любых условиях горкома.

Вторая информация – в 1973 году бакинский завод грампластинок всесоюзной фирмы «Мелодия» приступил к выпуску новой продукции – компакт-кассет для магнитофонов «Весна», «Спутник», «Воронеж» и других. На заводе установлено новое оборудование из ФРГ, США и Австрии. К концу года коллектив взял обязательство выпустить 500 тысяч кассет.

Но кассеты нужны были сейчас, студенты не могли ждать. Цой еще не требовал «Перемен», но их требовало поколение начала 1980-х.

Рок-фестиваль из-за требования горкома комсомола был на грани срыва. Боря, светлая голова, как узнал о приказе горкома, мгновенно предложил вариант решения. Ощущение, что он был заранее в курсе этой горкомовской подлянки. Вот что значит готовность к ударам системы.

Боря предложил такой вариант: играем заставку из советского репертуара, из каких-нибудь «Песняров» или Эдиты Пьехи, без разницы. Главное, чтобы это было узнаваемо, что-то вроде «И на Марсе будут яблони цвести», или «Комсомольцы строят города, школы и ясли», или «Нам песня строить и жить помогает», крайняк «Во поле березонька стояла», затем играем Джимми Хендрикса, и в конце опять одна-две фразы из Кобзона-Лещенко, Толкуновой-Сенчиной или из «Поющих гитар». Творчество этой советской тусовки Боря назвал одним словом – что-нибудь из хлятины. Звонкий голос Эдуарда Хиля с его бодрыми маршевыми песнями про БАМ и прочие стройки века звучал 24 часа в сутки по радио и телику и внес громадную лепту в стойкое отвращение молодежи нашего поколения к творчеству корифеев комсомольской песни. Идея Бори понравилась ребятам и добавила куража. Во время совместных репетиций борькина модель была подхвачена другими группами, и бакинский Вудсток состоялся.

Наступил первый день фестиваля. На сцену выходит студент Алик Тагиев, выбор ребят пал на него по одной причине. Он обладал идеально комсомольской видухой, глядя на его постное лицо так и хотелось выдвинуть его кандидатуру на пост зама ЦК комсомола республики. Идеальный комсомолец самым благонадежным голосом объявляет:

– Открываем фестиваль-смотр вокально-инструментальных ансамблей институтов Баку. Прозвучат мелодии из репертуара известных советских ансамблей «Песняры», «Веселые ребята», «Карнавал», «Поющие гитары», «Самоцветы» и «Дружба».

На сцене группа Бори. Помню, появляется какой-то студентик с еще более благонадежным видом члена комсомольской дружины, чем ведущий, и затягивает приторно ласковым голоском хит «Песняров» – «Беловежская пуца, Беловежская пуца»... затем пауза и хриплым голосом: «О-о, эта Беловежская пуца такой ништяк, такой кайф»... – и исчезает. Далее ансамбль с места берет 250 км в час и врывается в публику наитяжелейшим роком. Звучит такой мощный хард-рок, что из Беловежской пуцы с криком разлетаются птицы, с ревом разбегаются зубры. Публика взрывается бешеным восторгом, в зале полная вакханалия, и так длится все 20 минут выступления группы.

Джимми Хендрикс, Элис Купер и Медленная рука – Эрик Клаптон могли бы гордиться импровизациями своих композиций, прозвучавших в тот вечер со сцены азиатского Интер-клуба. Родоначальников хард-рока много исполняли в тот вечер. Группа Бори отгромычала-отгремела и замерла.

Тишина, на сцене вновь появляется ведущий и своим верноподданным голоском любимца комитетов комсомола нежнейше выводит:

*«Беловежская пуща – это навсегда,
зубры, олени, кабаны, красота».*

Чуть позже этот самый благонадежный из ведущих в составе другой группы великолепно исполнил Яна Гилана.

«Это полный улет», – кричали друзья, обнимая ведущего после выступления.

Затем выступает группа из Политеха. На сцену выходит солистка в игривом мини и бодренько запекает «Оранжевое небо, оранжевое солнце, оранжевая мама...»

На этой оранжевой маме выросло минимум три поколения советских детей. Дюймовочка в мини исчезает со сцены и ребята из Политехнического врубают такой дичайший рок, что зал вновь мгновенно впал в неистовство, – так минут десять и затем еще минут пятнадцать зал пробалдел под улетные композиции группы «Чикаго». Затем тишина, и та же Дюймовочка в мини по-пионерски задорненько запела вновь: «Оранжевое небо, оранжевое солнце, оранжевая мама...». Тут Дюймовочка увлеклась и ее понесло. Она впала в транс и, закрыв глаза, стала перечислять все оранжевое. Сразу после мамы Дюймовочка вспомнила всех своих близких... «Оранжевая бабушка, тетя, сестра, собачка, соседка, оранжевая дача, оранжевый телевизор, мебель, посуда, табуретка, оранжевые фрукты, персики, огурцы, оранжевая страна, милиция, троллейбусы-трамваи, оранжевое детство, юность, зрелость, старость...», – и только полностью исчерпав запас знаний о оранжевом мире, Дюймовочка исчезает со сцены.

И сразу группа под рев возбужденной от потоков оранжевого киселя публики влетает в тишину зала наихиповейшим исполнением ОВ-LA-DI, ОВ-LA-DA. В зале творится что-то невероятное: поколение битловой «Облади-облада» гоняется за оранжевым папашей – типом в строгом черном костюме, ну, явно надзирателем – засланцем из деканата.

Если бы в тот момент комсомольско-горкомовские стукачи осмелились сказать хоть слово о возвращении к истокам, к Лещенко и Пахмутовой-Сенчиной, студенты их черные костюмы порвали бы на тряпочки.

Неудивительно, что на следующий год горком комсомола провел городской фестиваль рок-групп в Доме культуры в поселке Разина, куда не поехала ни одна из студенческих групп.

А пока Вудсток в разгаре. Следом за Политехом выступает группа из педагогического института под самым безупречным названием «Йол» (Путь). Не прицепишься никак, так что групп с таким названием было тогда в Баку много.

Соло-гитарист очень официально произносит: «А у нас во дворе есть девчонка одна. Я гляжу ей вслед – ничего в ней нет». Пока все в рамках. Пауза, и он добавляет: «Ну, совсем ничего».

Набирает побольше воздуха и бросает группе «Джебуем». От слова Jab (Джеб) – боксерский термин и означает удар прямой с дальнего расстояния. И джебисты включают самые невероятные в тот вечер «кровянки». Композицию из обожаемой джебистами группы «Кровь, пот, слезы» (blood sweat and tear).

«Кровь, пот, слезы» в сочетании с советским хитом про девушку, в которой ничего нет, стал гвоздем вечера. Пока не вышла группа из медицинского, кажется, это был «Эскулап», и не стала медленно, не торопясь, подготавливая взрыв, исполнять композицию из Led Zepellin. Медики тогда оказались лучшими цепелинщиками фестиваля.

Затем цепелинщиков заменили секс-машинисты из Института иностранных языков. Вначале что-то из песенки про комсомольцев-бамовцев, а затем – ну, такой отвязный пошел Джеймс Браун из его альбома 1970 года «GetUpSex-machine», что даже самые отъявленные горкомовские отморозки, шепча «а-у-а, секс-машин» пустились в пляс. Один из них распоясался настолько, что снял пиджак и сорвал черный галстук-удавку.

Рок-фестиваль стал тем, чем он должен был стать – радостным, веселым событием встречи с параллельным миром, после которой все студенты города разделились на две неравные прослойки населения: участников этой оргии и на обездоленных и обманутых.

После Вудстока 1973 года из Баку полностью исчезла советская комсомольская эстрада. Она стала предметом для снисходительных импровизаций – реквиема по уходящей натуре. СССР стал уходить, под хард-роковое прощание с «Ласковым маем».

Место Лещенко, Кобзона, Хилия и прочих зубров советской эстрады прочно заняли Джеймс Браун, Джимми Хендрикс, Дженис Джоплин, позднее – Карлос Сантана. Группа из Института иностранных языков на том памятном Вудстоке в Интер-клубе с таким удовольствием и темпераментом исполнила Джеймса Брауна, что буквально порвала зал. Пытались, и многие, но так азартно Sex Machine в Баку еще никто не исполнял. В завершение композиции про девчонку без прошлого и настоящего, согласно классической бориной схеме, вновь звучит:

«А у нас во дворе есть девчонка одна.

Я гляжу ей вслед. Как не было ничего, так и нет».

После горячего безбашенного Джеймса Брауна у этого милого, наивного создания без имени, вообще без ничего, появилась надежда.

«Мы спасем тебя, девчонка», – бросает в зал певец, и под рев спасителей группа удаляется.

Иногда ребята заигрывались, и тогда Боря старался сгладить ситуацию. Выступает очередная группа из Института нефти и химии: солист старательно, в стиле блаженных певичек, то ли Толкуновой, то ли Сенчиной, выступает «Мы с тобой два берега у одной реки».... Затем добавляет что-то про два крыла у одной птицы и ласково просит: «Плыви ко мне, чувиха», и группа врубает Pink Floyd.

Вторая композиция из Deep Purple, кажется, Speedking, а перед этим вновь солист поет про два берега и два крыла. Но, видно, певец текст советского хита не знал и поэтому импровизировал примерно так: «Теперь ты убедилась, что мы с тобой два берега-два крыла? Так плыви ко мне и гаси свет».

Даже такое простенькое «чувиха, гаси свет» могло послужить поводом для закрытия концерта, и Боря сделал замечание приятелям. «Гаси свет» – слишком явно, слишком пробуждающе. Не надо будить спящую собаку. Пусть спит, зараза. После вас есть еще другие группы.

Фестиваль закончился трехдневными воплями в комитете комсомола АЗИНХ и разгромной статьей в молодежной газете, смысл которой сводился к одному слову – «Проглядели».

На самом деле комсомол и партия проглядели молодое поколение 1970 – 80-х с его потребностью в бунтарской музыке.

Ничего другого мы и не ждали. В середине концерта я вышел на улицу покушать. Рядом стоял какой-то взбешенный тип и рычал на двух напуганных юнцов:

– Где наши советские ансамбли? Где этот бронзовый Кобзон, Лещенко или хотя бы «Песняры»? Какой на хрен Ян Гиллан и Джимми Хендрикс? При чем тут Эрик Клаптон и «Роллинг Стоунз»? Куда вы смотрели? Вы с ними заодно?

Скорее всего, эти двое парней были организаторами фестиваля.

После фестиваля примерно в таком ключе рычали на комитет комсомола АЗИНХ, который после этих воплей был полностью заменен.

Если когда-нибудь напишут об истории рок-музыки в 1980-х в Баку, не забудьте упомянуть, что благодаря Боре Арановичу в Интер-клубе Института нефти и химии состоялся один из самых интересных концертов, который запустил на рок-орбиту десятки отличных музыкантов.

С легкой руки Бори еще многие годы студенческие рок-группы таким образом обходили требования комсомольских чинуш. Внешне требования центра были соблюдены. Горком комсомола только в страшном сне мог представить, что до Москвы дойдут слухи о том, как в реальности проходят концерты студенческих рок-групп в Баку.

Боря уловил то, что витало в атмосфере Баку тех лет. Увлечение «Битлами», солистом группы «Cream» Эриком Клаптоном, Элисом Купером, группой «Чикаго» и многими другими забросило звезды советской эстрады и советскую идеологию в такие глубокие колодцы, откуда не выбираются. Это как бумажка с ненужным телефоном. Вы обязательно засунете ее в задний карман джинсов, чтобы забыть навсегда. Только во время стирки скомканная бумажка всплывает, когда уже и знаков на ней не разобрать.

Наш с Толиком друг Боря тогда спас фестиваль, и придуманная им игра с комитетом комсомола превратила обычный вроде рок-концерт в событие. Музыканты и участники до сих пор с удовольствием вспоминают тот памятный концерт в Интер-клубе.

Самыми популярными оказались песни из репертуара ансамбля «Самоцветы».

«Не надо печалиться, – предлагали сладкоголосые «Самоцветы», – вся жизнь впереди. Надейся и жди».

Ждать никто больше не собирался. Сразу после «Надейся и жди» зазвучала группы «Кровь, пот, слезы». Так ребятам полюбились эти «Самоцветы» с их пионерским оптимизмом, что «Надейся и жди» обыгрывали позднее десятки групп на местных рок-фестивалях. Сразу за фразой «надейся и жди» звучали мелодии из альбомов «Чикаго», Карлоса Сантана, Би-би Кинга и еще десятков кумиров бакинской рок-тусовки.

Ребята запустили на орбиту бакинского рок-движения эффектный способ обыграть твердолобых комсомольских бюрократов. Те уже в 1973 году должны были понять: время ломать Берлинскую стену. Поколение Бори уничтожило ее в 1973 году. Так что все произошедшее с СССР в 1990-91 годах – следствие. Власть в 1973 году предпочла не замечать рождения нового поколения, которое превратило блаженную оранжевую бабушку в анекдот. Не замечать – непозволительная роскошь. И тогда, и сейчас.

Еще Берлин пополам, Стена крепка и СССР – мощь и броня, еще 10 тысяч танков размещены в ГДР – дикость полнейшая, – а наше поколение устами Бори сказало в 1973 году: «Нам нужна бунтарская музыка. Мы уничтожили Стену. Ваша музыка и идеология – бредятина, та самая скомканная бумажка из заднего кармана брюк с никому не нужными номерами».

Это очень интересный эпизод истории – эпоха застоя родила бунтарское поколение. Даже отпетые комсомольские работники в горьком поняли – в этом городе «Поющие гитары» и «Веселые ребята» уже не пройдут. На последующих фестивалях пытались пойти на сделку – группы исполняют один советский хит, а потом хоть Sex Machine Джеймса Брауна. Только не Дженис Джоплин, эту наркоманку.

«А у нас и таких голосов нет, – отвечали музыканты. – Ничего, мы на Pink Floyd отыграемся, на кровянках и на цепелинах».

Десять лет спустя Боря сказал мне: «Хорошо бы собрать интервью у музыкантов о том, какую роль сыграл «Битлз» в их жизни, в создании рок-групп в Баку».

Что из этого получилось, как-нибудь в следующий раз.

Два года спустя после концерта в Интер-клубе, в 1975 году, первая советская рок-опера «Орфей и Эвридика» робко постучалась в двери. Рок-музыка была в опале, и Орфей с Эвридикой это учли. Все в опере было скромненько, серо, пассивно и узнаваемо. Зал бушевал под совсем другие мелодии, и робкие голоса Орфея и Эвридики, конечно, никто не услышал. В зал теперь можно было войти, только лишь взорвав двери.

В 1973 произошло еще одно событие – поэт Ровшан крикнул: «Андеграунд, ты меня слышишь?»

Вагиф Мустафазаде сказал твердо: «У нас свой путь в новом направлении».

Вагиф творил в подготовленном городе. Не жалкая импровизация западных образцов, а стремление заявить о себе сильным, оригинальным голосом.

«Веселые ребята» с трогательной беспомощностью пытались уверить: советская эстрада в тренде.

А бакинский Вудсток утверждал – тогда к чему врать? Сколько можно, начиная «Беловежской пущей», затем лабать «Чикаго» или «Sex Pistols». Долой Лещенко и лещенят, орфеев и эвридичек.

После азиатского концерта 1973 года стало так: либо контркультура заявляет о себе как о явлении или исчезает незамеченной. За «надейся и жди» должен был быть взрыв, иначе зал в Баку встретит исполнителей как очередную оранжевую маму, она же оранжевая бабушка, она же оранжевый телик и холодильник.

После Вудстока 1973 года бакинским рок-музыкантам уже нельзя было думать о выживании в ржавом механизме.

«Надейся и жди» надо взорвать, а иначе – «я гляжу им вслед, ничего в них нет».
